

Зелетдинова Эльвира Анваровна

доктор политических наук, профессор,
проректор по учебной работе Астраханского
государственного технического университета

Руденко Максим Николаевич

кандидат исторических наук, доцент,
заведующий кафедрой гуманитарных наук
и психологии Астраханского государственного
технического университета

Гайнутдинова Екатерина Валерьевна

кандидат философских наук, доцент кафедры
гуманитарных наук и психологии Астраханского
государственного технического университета

Дьякова Вера Валерьевна

кандидат социологических наук, доцент кафедры
гуманитарных наук и психологии Астраханского
государственного технического университета

ФРЕЙМ – АНАЛИЗ РЕАЛЬНОСТИ И ПРОБЛЕМА ИДЕНТИЧНОСТИ [1]

Аннотация:

Понятия «фрейм» и «идентичность» тесно взаимосвязаны в процессе познания индивидом природного и социального окружающего мира. Использование фрейм-анализа представляется актуальным при исследовании различных проблем социальной реальности, в том числе вопроса идентичности. Фрейм служит средством объединения индивидуального и группового сознания, где универсальные схемы с более высокой степенью абстракции выступают в качестве интерпретационного ядра, а сам процесс интерпретации осуществляется с учетом индивидуального опыта каждого конкретного субъекта. Идентичность можно рассматривать как один из механизмов самоопределения человека в мире через соотнесение с теми или иными феноменами окружающего мира, в ходе чего вырабатывается положительная или отрицательная позиция по отношению к ним. Фрейм и идентичность схожи структурно и функционально, потому что предстают как две различные, но тесно связанные стороны конструирования субъектом реальности путем наполнения ее личностными и социальными значениями и смыслами, чтобы превратить в знакомую и предсказуемую среду. Фрейм является средством интерпретации реальности, обеспечивающим выделение, а затем и последовательное связывание определенных ситуаций. Субъект с помощью фреймов может объединять эти события-ситуации в индивидуализированные схемы, которые отражают своеобразную траекторию его жизни, формируют целостное личностное восприятие им окружающего мира и в конечном счете его идентичность.

Ключевые слова:

фрейм, идентичность, эпистемология, идентификация, интерпретация, когнитивные процессы, социальное конструирование, социальные представления.

Zeletdinova Elvira Anvarovna

PhD in Political Science, Professor,
Vice Rector for Academic Affairs,
Astrakhan State Technical University

Rudenko Maxim Nikolaevich

PhD in Historical Science, Associate
Professor, Head of the Department Humanitarian
Sciences and Psychology,
Astrakhan State Technical University

Gainutdinova Ekaterina Valerevna

PhD in Philosophy Science, Associate Professor,
Department Humanitarian sciences and Psychology,
Astrakhan State Technical University

Dyakova Vera Valerevna

PhD in Sociology Science, Associate Professor,
Department Humanitarian sciences and Psychology,
Astrakhan State Technical University

FRAME ANALYSIS OF REALITY AND THE PROBLEM OF IDENTITY [1]

Summary:

The notions of 'frame' and 'identity' are closely interconnected in the process of cognizing of the natural and social world by an individual. The use of frame analysis is relevant in the study of various problems of social reality, including the problem of identity. The frame serves as a means of combining individual and group consciousness, where universal schemes with a higher degree of abstraction serve as the interpretive core and the interpretation process is carried out with consideration of individual experience of each specific subject. Identity can be considered one of the mechanisms of a person's self-identification in the world by referring to various phenomena of the environment. During this process, a positive or negative attitude to the phenomena is developed. The frame and the identity resemble each other structurally and functionally because they act as two different, but closely interrelated aspects of the subjective constructing of reality by filling it with personal and social values and meanings in order to turn it into a familiar and predictable environment. The frame is a means of interpreting reality that singles out and then sequentially binds certain situations. With the help of frames, subjects can combine these events-situations into individualized schemes which reflect their unique life trajectories, form an integral personal perception of the world around them, and ultimately their identity.

Keywords:

frame, identity, epistemology, identification, interpretation, cognitive processes, social construction, social representations.

Понятие фрейма широко используется в разных областях современной науки, социологии, политологии, лингвистике, психологии, поэтому его анализ требует широкого междисциплинарного подхода и синтеза различных позиций. С нашей точки зрения, комплексное определение фрейма представляется весьма перспективным при исследовании проблем социальной реальности, в том числе вопроса идентичности. Обе эти категории – «фрейм» и «идентичность» – тесно взаимосвязаны в процессе познания индивидом природного и социального окружающего мира.

Современные методологические подходы к анализу фрейма основаны на его дефиниции как когнитивной структуры, существующей в сознании человека. Подобное представление разделяют большинство исследователей. С помощью таких когнитивных структур происходят восприятие и упорядочение человеком объективной реальности в виде придания предметам внешнего мира значений и смыслов, происходящее рассматривается прежде всего в рамках языковой деятельности субъекта. В рамках когнитивной лингвистики процесс познания может быть описан с помощью когнитивных моделей, обладающих свойствами гештальта, т. е. составляющих целостную структуру, не сводимую к простому объединению отдельных блоков, и использующих метонимию, метафоры и ментальные образы [2, с. 13–14]. Понятно, что если значения и смыслы, которыми наделяются различные феномены, вырабатываются в ходе социального взаимодействия, то процесс познания мира носит социальную природу. Общественные объекты действительно не являются чувственными данными, люди приходят к ним посредством выводов и логических конструкций [3, с. 92].

Однако, хотя индивидуальные представления и носят субъективный отпечаток каждого конкретного сознания, они также во многом зависят от социальной реальности, в которой действует человек. В связи с этим, хотя само наличие объективной стороны человеческого знания о мире не может ставиться под сомнение и установки классической эпистемологии сохраняют свою силу, но они должны быть существенно дополнены. Поэтому еще одним методологическим основанием анализа когнитивных структур должна служить социальная эпистемология, которая сосредоточивает внимание именно на социальной стороне знания. Ключевое положение социальной эпистемологии состоит в том, что единственными реальными субъектами познания являются живущие в той или иной социальной среде конкретные индивиды [4]. Тем не менее, хотя ментальные структуры вырабатываются в ходе социального взаимодействия индивидов, это не ведет к полностью субъективному конструированию реальности, взаимодействие выступает как вполне объективный процесс благодаря взаимному контролю и приспособлению индивидов друг к другу.

Социальная эпистемология также тесно связана с дискурсивной психологией, согласно которой сами психологические процессы конструируются в рамках социальных контактов, т. е. имеют коммуникативную природу. Такова, например, теория развития интеллекта Ж. Пиаже, видящего в постепенном переходе от эгоцентрического, конкретного и необратимого мышления ребенка к обычному абстрактному мышлению взрослого результат влияния социальных контактов и действий индивида, этими контактами направляемых.

Несмотря на наличие универсальных когнитивных структур, реальность всегда дана нам только через конкретное индивидуальное сознание, поэтому неизбежным становится обращение к феноменологии. Современная феноменология ориентирована на эпистемологические установки соотнесения знаний об объекте с ценностно-целевыми структурами индивидуального сознания и учитывает человеческий фактор и наличие субъективного смысла, приносимого наблюдателем в процесс познания [5, с. 94].

Таким образом, и структуры человеческого знания, и сами психические процессы, в ходе которых они формируются, имеют интерсубъективную природу и вырабатываются в ходе социального взаимодействия. Если отдельные субъекты совместно конструируют свой окружающий мир, ключевым эпистемологическим вопросом становится выяснение того, с помощью каких механизмов это осуществляется. Одним из таких механизмов и начальной стадией подобного конструирования, с нашей точки зрения, служит фрейм.

В социальных науках понятие фрейма впервые широко использовал И. Гофман. Его исследования во многом находились в рамках научных установок структурализма, поэтому социальные ситуации, с его точки зрения, определяются универсальными элементами, фреймами, структура которых является устойчивой и аналогичной правилам синтаксиса. Фреймы возникают в результате социального взаимодействия и мало зависят от самих субъектов, подчиняющихся готовым социальным правилам [6, с. 61]. В итоге для И. Гофмана фрейм – это определения ситуации, строящиеся в соответствии с принципами организации, которые управляют социальными событиями и нашей субъективной вовлеченностью в них [7, р. 10].

Практически одновременно с И. Гофманом термин «фрейм» использует М. Минский, правда руководствуясь совершенно иными исследовательскими целями. Здесь фрейм определяется как

структура данных для представления стереотипной ситуации и применяется для прояснения механизмов познания объективной реальности. Субъект проводит анализ каждой новой ситуации путем сравнения входящей информации с уже находящейся в памяти готовой структурой-фреймом, затем корректирует в ней отдельные детали, благодаря чему она становится пригодной для понимания более широкого класса явлений. Особенно интересной выглядит структура фрейма в виде сети. Верхний уровень образован такими понятиями, которые всегда справедливы по отношению к предполагаемой ситуации. Более низкие уровни фрейма вариативны, заполнены конкретными примерами или данными, которые должны дать руководство к действию, когда человек не может сразу сделать однозначного выбора применительно к тому или иному случаю [8, с. 3–5].

Также понятие «фрейм» используется одним из представителей когнитивной лингвистики Ч. Филлмором на примере объединения слов в смысловые группы. Фрейм определяется как особая унифицированная организация знания, или связанная схематизация опыта, которая является необходимым предварительным условием способности субъекта к пониманию тесно связанных между собой слов. Ч. Филлмор также опирается на категорию «гештальт», поэтому фрейм, стоящий за той или иной смысловой группой, выступает общим и целостным ментальным образом, который не сводится к сумме понятий, его составляющих [9, с. 52–55].

Психологическое направление в понимании фрейма основано на выявлении содержащихся в сознании человека психологических конструктов, с помощью которых анализируется поступающая из окружающей среды информация. В связи с этим необходимо выделить исследования Ф.Ч. Бартлетта, основанные на воспроизведении испытуемыми прочитанных им незнакомых сказок. В данных экспериментах новый материал воспроизводился участниками не дословно, а в соответствии с уже существующими в их сознании когнитивными схемами, они, например, достраивали и перестраивали текст согласно знаниям об окружающей реальности [10, с. 147–148].

В свою очередь, Дж. Келли предложил категорию «личностный конструкт», под которой понимался когнитивный шаблон, представляющий собой систему истолкования мира, с чьей помощью выстраивается линия поведения. Наборы личностных конструктов создаются самими людьми и постоянно подгоняются к реалиям внешней среды, без них мир предстает для субъекта в виде неразличимой однородности. Образование конструктов происходит с помощью объединения однородных повторяющихся событий в группы, что позволяет делать их предсказуемыми для субъекта, а значит, и управляемыми [11, с. 18, 164].

Объединением социально-психологических концепций и лингвистики стала теория Г. Бейтсона о фреймах как метакоммуникативных сообщениях. По мнению исследователя, «каждое послание, которое эксплицитно или имплицитно определяет некий фрейм, дает получателю инструкции или помощь в его попытке понять послания, заключенные внутри фрейма» [12]. Г. Бейтсон также применяет и другое понимание фрейма, отождествляя его с паттерном, контекстуальной структурой, набором правил, по которым группируется информация.

Таким образом, можно рассматривать представления Г. Бейтсона, М. Минского, Ч. Филлмора, И. Гофмана, а также психологические концепции как своеобразное ядро исследований понятия фрейма, от которого должны отталкиваться последующие изыскания в данной области.

В современных социальных науках также преобладает рассмотрение фрейма как схемы интерпретации, позволяющей людям находить, воспринимать, идентифицировать и маркировать события в их жизненном пространстве и в мире в целом. Придавая событиям или явлениям смысл, фреймы функционируют для организации опыта и руководства действиями, индивидуальными или коллективными [13, р. 88–89].

С нашей точки зрения, описанные научные подходы оставляют не много места для свободы действий конкретного человека, в них уделяется слишком мало внимания индивидуальному выбору того или иного варианта развития ситуаций в окружающей природной и социальной реальности. На первый план выходят готовые схемы, которые использует субъект, в том числе навязанные ему обществом. Однако хотя человек и действует в рамках заданных объективной реальностью возможностей, но его переход от одной жизненной ситуации к другой следует представлять в виде индивидуализированной траектории, зачастую непредсказуемой для внешнего наблюдателя. Именно сложность и вариативность социальной жизни требуют рассмотрения иных исследовательских возможностей, определенного восстановления в правах субъекта, необходимости учета своеобразной индивидуальной настройки универсальных структур и в конечном счете расширения понятия фрейма.

При этом описанное ядро в трактовке фрейма должно быть сохранено, но дополнено феноменологическими установками. В частности, речь идет об использовании феноменологии А. Шюца, основанной на понятии жизненного мира. С одной стороны, идентификация субъектом каждой новой ситуации осуществляется с помощью заданной онтологической структуры этого жизненного мира и поэтому может переживаться субъектом как нечто навязанное ему извне.

С другой стороны, такая идентификация базируется на актуальном биографическом опыте субъекта, включающем в себя его конкретные знания, именно этот индивидуализированный момент и формирует спонтанность при определении ситуации.

Таким образом, в теоретических построениях А. Щюца акцент смещается в сторону диахронного анализа ситуации в противовес синхронной структуре И. Гофмана, о которой речь шла ранее. Есть и еще один аспект, на который справедливо указывает А. Щюц. Субъективный интерес, преобладающий в настоящий момент, способствует выбору тех элементов актуального запаса знаний, которые будут релевантными для субъекта в его усилиях справиться с ситуацией. В конечном счете человека заставляют делать выбор в том или ином жизненном случае его потребностные и эмоциональные предрасположенности, «мотивационная релевантность» [14, с. 78–80].

Феноменологический подход к понятию фрейма позволяет воспринимать субъект не в качестве пассивного воспроизводителя социального опыта с помощью готовых когнитивных структур, но как конструктора жизненной реальности с собственными предрасположенностями. В идентификации этого субъекта с той или иной ситуацией играет роль не только его рациональный выбор, но и потребностно-мотивационные и эмоциональные установки. Данный баланс, с нашей точки зрения, является наиболее перспективным и находит выражение в концепции структуры Э. Гидденса, стремящегося превратить субъект в активного творца социальной реальности, хотя и действующего в рамках системы объективных значений и правил, выработанных в ходе интересубъективного взаимодействия [15, с. 14–17].

Подводя итог сказанному, остается предложить наше понимание процесса фреймирования реальности и фрейма. Последний выглядит как когнитивная структура, включающая в себя взаимосвязанные с помощью универсальных логических операций понятия, объединенные в различные коды, помогающие анализировать информацию, поступающую из окружающего мира. Системы фреймов не заданы в качестве жестких алгоритмов восприятия, а скорее являются свободными схемами интерпретации событий. Иными словами, на уровне субъекта, или микроуровне, происходит постоянное «фреймирование» реальности.

Однако сам процесс фреймирования должен представляться в более широких рамках, не просто как определение границ того или иного объекта с помощью правил, заданных общественными институтами и коллективным социальным сознанием. Фрейм выступает своеобразной многогранной призмой, присутствующей в индивидуальном сознании, через которую субъект воспринимает реальность. Сознание всегда предстает как целостный процесс, где связаны в единую систему различные стороны психики человека. В этой системе когнитивные процессы человека невозможно отделить от его потребностей, эмоциональной сферы и других компонентов его личности, иными словами – в его схемы интерпретации всегда включено его личностное отношение к интерпретируемым событиям. По словам Ж. Пиаже, всякое поведение предполагает наличие двух аспектов – энергетического, или аффективного, и структурного, или когнитивного, взаимобмен субъекта со средой происходит с помощью наложения структуры и создания ценностей, аффективная и когнитивная жизнь являются неразделимыми [16, с. 8–9].

С нашей точки зрения, анализ структуры фрейма необходимо проводить с помощью понятий «ядро» и «периферия», применяемых к организации и функционированию фрейма. Данное структурирование предлагается в уже упомянутой нами концепции личностных конструкторов Дж. Келли, который подразделяет их на центральные – личностно значимые и медленно изменяющиеся – и периферические, которые пока не несут для индивида личностного смысла и легко поддаются трансформации. Эти психологические взгляды логично дополняются в рамках теории социальных представлений, поскольку и сам фрейм можно рассматривать как одну из разновидностей индивидуализированного социального представления. В качестве одного из подходов к структуре социального представления выделяется концепция Ж.К. Абрика, предложившего использовать такие термины, как «центральное ядро» и «периферия». Ядро представляет собой достаточно стабильное, устойчивое во времени образование, связанное с коллективной памятью группы, его основной функцией является создание значения социального представления, которое мало связано с конкретным контекстом той или иной ситуации. В свою очередь, периферия обеспечивает интеграцию индивидуального опыта каждого члена группы как раз за счет адаптации к конкретной ситуации, допускает модификацию содержания представления, трансформируемого под влиянием реакций и действий людей [17].

Эта схема Дж. Келли и Ж.К. Абрика тесно связана с сетевой структурой фрейма М. Минского. Данные исследователи выделяют устойчивые базовые структуры, обеспечивающие стабильное и довольно универсальное восприятие реальности, окруженные вариативной периферией, представляющей собой индивидуализированные реакции на конкретные явления.

Таким образом, центральной составляющей фрейма, его ядром служат когнитивные структуры, с помощью которых осуществляется понимание ситуации субъектом. Данные структуры,

отражающие единообразные объективные характеристики природного и социального мира, в котором существует индивид, являются универсальными для всех людей. В центре ядра фрейма располагаются знания, рациональный код, находящие выражение в абстрактных категориях, это область значений и смыслов. Оценочные, эмоциональные и поведенческие элементы фрейма составляют его своеобразную периферию, которая в отличие от ядра имеет более выраженную индивидуальную вариативность. Периферия фрейма находится в постоянной настройке и перенастройке, это область представлений.

В итоге фрейм служит средством объединения индивидуального и группового сознания, где универсальные схемы с более высокой степенью абстракции выступают в качестве интерпретационного ядра, а сам процесс интерпретации осуществляется с учетом индивидуального опыта каждого конкретного субъекта.

Теперь необходимо обратиться к анализу понятия идентичности. В современной науке можно говорить о существовании двух главных направлений в рассмотрении данной проблемы – психологического и социологического. Психологическую трактовку идентичности широко использовал в исследованиях Э. Эриксон, который определял ее несколькими основными признаками. Прежде всего речь идет об осознанном восприятии субъектом собственной уникальности и отдельного от других индивидов существования. Это является необходимым условием личностной целостности каждого человека и понимания им того, что его жизнь имеет согласованность и смысл. В свою очередь, групповая идентичность представляет собой внутреннее ощущение человеком солидарности с идеалами общества, с его референтными группами, соответствующими ожиданиям индивида [18, с. 47–49]. Дальнейшим развитием концепции идентичности стали идеи Дж.Г. Мида. Под идентичностью он также понимает способность человека воспринимать свое поведение как связанное, единое целое. Личностная идентичность выступает как социальное образование, складывается из свойств, продуцируемых в ходе социального взаимодействия, а индивид в конечном счете видит себя таким, каким его видят другие [19, с. 25–28].

Вполне понятно, что уже в классических теориях идентичности Э. Эриксона и Дж.Г. Мида психологический и социальный аспекты формирования идентичности тесно взаимосвязаны. С нашей точки зрения, необходимо говорить не столько о двух направлениях, сколько о двух поразному расставленных в различных исследованиях акцентах. В частности, социологический подход отдает предпочтение социальному, нормативному аспекту идентичности, в этом случае понятия идентичности и социальной идентичности совпадают. Например, для отечественного исследователя З.А. Жаде идентичность представляется социальной по происхождению, она формируется в ходе взаимодействия людей, а трансформация идентичности обусловлена социальными изменениями. Идентичность можно рассматривать как способ идентификации себя в социальном пространстве, в конечном счете приводящий к самотождественности человека или группы с определенным политическим или социокультурным сообществом [20, с. 179–181].

В то же время нельзя делать чрезмерный акцент только на социальной стороне идентичности. Например, Я. Крейб полагает, что социальное взаимодействие составляет лишь часть понятия идентичности. У каждого человека может быть несколько социальных идентичностей, он может потерять одну из них, но это никак не затронет его личную идентичность в целом. Именно последняя объединяет разнообразие социальных идентичностей в некую индивидуальную целостность. Идентичность для Я. Крейба переживается в опыте, образуя целостное психическое пространство, совмещающее в себе индивидуальные и социальные компоненты [21, р. 4, 9–10].

С нашей точки зрения, для рассмотрения проблемы идентичности ключевым является то, что она должна быть представлена как индивидуальный опыт, имеющий, однако, в значительной части интерсубъективную социальную природу и обеспечивающий целостность процессу восприятия реальности отдельным индивидом и в конечном счете целостность его личности. В современных исследованиях совершенно правильно указывается, что идентичность может быть атрибутирована только индивидам. Понятно, что в ходе социальных взаимодействий возникают коллективные представления, тем не менее и индивидуальная, и групповая идентичности прежде всего выполняют функцию определения места человека в окружающей его реальности. Поэтому в социокультурной среде можно выделить как объективные идентификационные процессы, так и субъективные процессы самоидентификации, в большей степени связанные с индивидуальной самоидентичностью [22, с. 45–48].

В этом же русле находятся идеи зарубежных исследователей, в частности В. Вагнера, воспринимающего индивидуальные и групповые социальные представления как внутреннее видение, с помощью которого люди и группы конструируют стабильный и предсказуемый мир из набора различных феноменов. Социальная реальность, окружающая людей, представляет собой результат такого конструирования и воспринимается как привычный умственный ландшафт,

своеобразный доместицированный мир [23, р. 303–304, 306–310]. Процесс развития идентичности необходимо рассматривать как жизненно важную возможность для человека определить свое отношение к феноменам окружающего мира, включив эти феномены в собственный индивидуальный опыт. Это и есть один из механизмов социального конструирования реальности, проходящий в равной мере на индивидуальном и коллективном уровнях.

Именно поэтому А. Мелуччи определяет идентичность как конструирование системы действий, создаваемой рядом индивидов в отношении их ориентации в области возможностей и ограничений реального мира, в котором такие действия должны иметь место. Идентичность включает также индивидуальные эмоциональные вложения, поскольку только это позволяет людям чувствовать себя частью единого целого [24, р. 70].

В данной трактовке сложно разделить рациональный и эмоциональный компоненты, а также индивидуальное и коллективное сознание, идентичность здесь представляет собой единую взаимосвязанную систему, позволяющую упорядочить мир, а не просто осуществить отождествление/неотождествление себя с теми или иными феноменами, внешними по отношению к субъекту.

Подобные подходы к понятию идентичности становятся все более популярными в современной науке. Например, для С. Холла идентичность выступает как точка пересечения между дискурсами и конкретными социальными практиками, позиция, которую занимает в них субъект, – результат успешной артикуляции или «приковывания» конкретного человека к потоку дискурса. Идентичность – это индивидуализированная позиция субъекта по отношению к явлениям внешнего мира, она придает действиям человека устойчивость и целостность, а ее структура всегда остается открытой и конструируется в рамках дискурса [25, р. 5–6].

С нашей точки зрения, это широкое понимание идентичности является наиболее перспективным в научных исследованиях социальной реальности. Идентичность можно рассматривать как один из механизмов самоопределения человека в мире через соотнесение с теми или иными природными и социальными феноменами, в ходе этого соотнесения вырабатывается положительная или отрицательная позиция к ним.

Таким образом, фрейм и идентичность схожи структурно и функционально, потому что выступают двумя различными, но тесно взаимосвязанными сторонами познания субъектом природной и социальной реальности. Процесс познания действительно выглядит как конструирование реальности, наполнение ее лично и социально значимыми для субъекта значениями и смыслами, чтобы в конечном счете превратить окружающий мир в знакомую и предсказуемую для него среду.

В отечественной науке попытку применить понятие «фрейм» к анализу идентичности предпринимает В.И. Немчина, предлагающая рассматривать динамику развития коллективных идентичностей через реконструкцию когнитивных структур-фреймов, с помощью которых происходит интерпретация социальной реальности данной группой. Воспроизводство коллективных идентичностей осуществляется в процессе «фреймирования», под которым В.И. Немчина понимает преобразование символических структур и смыслов в коллективные социальные практики. Фреймирование выглядит как интерпретация окружающей действительности через сопоставление имеющихся в коллективной памяти фреймов, каждый из которых связан с конкретным символом, получаемым из мира действительности [26].

Можно вполне согласиться с утверждением В.И. Немчиной, что фреймирование реальности – это процесс упорядочения мира с помощью универсальных когнитивных структур, привнесение в мир смысла. Подобные установки, как мы видели ранее, разделяют большинство исследователей. Также не вызывает сомнения, что фрейм является универсальной схемой, которую используют все субъекты на начальной стадии интерпретации мира, завершающейся в процессе выработки идентичности. Однако при этом сама символическая трактовка фрейма в построениях В.И. Немчиной выглядит слишком узкой: как мы уже убедились, с точки зрения и структуры, и функций понятие фрейма гораздо более емкое.

Кроме того, для субъекта, погруженного в мир повседневности, процесс познания в отличие от установок научного мышления имеет целью не столько поиск абстрактной истины, сколько определение своего места в мире и тем самым придание стабильности жизненному пространству. Именно в этом проявляется функциональная взаимосвязь понятий фрейма и идентичности. Уже в начальной стадии интерпретации реальности с помощью фрейма присутствует сильная доля самосознания субъекта за счет выбора возможных вариантов ответа на ситуацию в периферийных областях фрейма, о чем говорилось ранее.

В процессе развития идентичности роль самосознания в ее формировании только усиливается, а в современном обществе этот рефлексивный компонент становится доминирующим, именно на этот факт указывает в анализе идентичности Э. Гидденс. Вместо одной системы ценностей в отличие от традиционного общества возникает несколько систем значений и культурных репрезентаций, человеку предоставляется возможность выбора из множества вариантов, тем

самым создаются условия для развития индивидуальной рефлексивности. По мере становления самосознания роль идентичности в процессе ориентировки индивида в окружающем мире должна возрастать, но одновременно с этим положительным моментом происходит фрагментация собственного «я», так как индивид находится в сложной ситуации постоянного выбора. Идентичность, сформированная в результате индивидуальных рефлексивных усилий, создает для человека так называемый «защитный кокон», т. е. чувство неуязвимости, способность совладать с событиями, угрожающими психологической и телесной целостности [27, р. 109–143].

Однако есть и другая сторона развития идентичности в процессе ориентировки в окружающей реальности, далеко не всегда связанная с осознанной рефлексивностью отдельного субъекта. Упорядочение реальности производится с помощью традиционных автоматизированных схем, фреймов, которые позволяют объединить однородные события в группы, что дает возможность сделать их предсказуемыми для индивида, и одновременно с этим оценить эти события, тем самым упорядочить мир для человека и определить его способы реагирования в разных ситуациях.

Таким образом, могут быть выявлены схожие механизмы фреймирования реальности и развития идентичности, основанные на включении возникающих перед субъектом феноменов в его уже готовые когнитивные схемы, механизмы, в равной степени применимые к взаимодействию с природной и социальной средой. Для этого подходит термин В. Вагнера «конструктивное событие», в ходе такого события субъектом в мире нечто называется, снабжается атрибутами и ценностями и интегрируется в социально значимый мир. Действительно, реальность складывается из универсальных, повторяющихся событий-ситуаций, для которых человек обладает готовыми стереотипными последовательностями действий, задаваемых правилами-фреймами. Подобная стабильность, о которой индивид даже не задумывается, обеспечивает ему размеренное рутинное течение его повседневной жизни, придает устойчивость и целостность индивидуальному опыту, являющиеся главными характеристиками идентичности. Все это позволяет И. Гофману сформировать концепцию рутинизации социального поведения, с чьей помощью субъект ориентируется в своей повседневной социальной жизни.

Действия человека предопределены предписывающими правилами, рутинизация повседневности предстает как безусловный эмпирический феномен, субъект не пользуется полной свободой воли в рамках социального пространства. Однако у людей остаются собственные предпочтения, ошибочные интерпретации, особое эмоциональное отношение, т. е. в рамках достаточно жестких границ, установленных институтами, формирующими социальную реальность, отдельно взятый индивид способен действовать с достаточной степенью свободы и вариативности.

На начальном этапе интерпретации реальности субъект сталкивается с необходимостью постоянного анализа конкретных ситуаций. Фрейм и является тем средством, обеспечивающим выделение, а затем и последовательное связывание строго определенных ситуаций, относимых индивидом к тому или иному аспекту природной или социальной реальности. Эта интерпретация производится с помощью ядра фрейма, приводящего к ее пониманию. Затем наступает индивидуальная идентификация, принятие или непринятие ситуации с помощью периферии фрейма, обуславливающее выработку субъективного представления о ситуации. Субъект может по-разному объединять эти события-ситуации в индивидуализированные схемы, выступающие отражением его своеобразной траектории жизни, формирующие целостное личностное восприятие им окружающего мира и его идентичность.

В итоге интерпретация реальности может рассматриваться как процесс наложения на нее когнитивной решетки-фрейма, состоящей из парадигматического уровня, образуемого значениями, и синтагматического уровня – индивидуальных представлений, в то же время смыслы выступают в качестве связующего элемента этих двух уровней и принадлежат одновременно к обоим. На парадигматическом уровне это происходит в большей степени с использованием общественных схем, при выходе на синтагматический уровень возникает своеобразная индивидуальная траектория познания каждого отдельного субъекта, носящая уникальный характер и формирующая его идентичность.

Ссылки и примечания:

1. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00479 «Фреймы формирования и воспроизводства региональной идентичности».
2. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении / пер. с англ. И.Б. Шатуновского. М., 2004. 792 с.
3. Рассел Б. Человеческое познание: его сфера и границы. М., 2000. 464 с.
4. Красавин И.Т. Социальная эпистемология: к истории и постановке проблемы // Социальная эпистемология: идеи, методы, программы / под ред. И.Т. Касавина. М., 2010. С. 3–14.
5. Микешина Л.А. Феноменология и обогащение понятий в эпистемологии // Вопросы философии. 2016. № 2. С. 85–94.
6. Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта. М., 2003. 752 с.

7. Goffman E. *Frame Analysis. An Essay on the Organization of Experience*. Boston, 1986. 600 p.
8. Минский М. Фреймы для представления знаний. М., 1979. 151 с.
9. Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка. М., 1988. С. 52–92.
10. Поляков С.Э. Концепты и другие конструкции сознания. СПб., 2017. 621 с.
11. Келли Дж. Психология личности (теория личных конструктов). СПб., 2000. 256 с.
12. Bateson G. *A Theory of Play and Fantasy // The Game Design Reader: a Rules of Play Anthology*. Cambridge, 2006. P. 67–73.
13. Rein M., Schon D. *Frame-Critical Policy Analysis and Frame-Reflective Policy Practice // Knowledge and Policy: The International Journal of Knowledge Transfer and Utilization*. 1996. Vol. 9, no. 1. P. 85–104.
14. Щюц А. Некоторые структуры жизненного мира // Вопросы социальной теории. 2008. Т. II, вып. 1 (2). С. 72–87.
15. Гидденс Э. Устроение общества. Очерк теории структуризации. М., 2005. 528 с.
16. Пиаже Ж. Психология интеллекта. М., 2003. 192 с.
17. Abric J.C. *Central System, Peripheral System: Their Functions and Roles in the Dynamics of Social Representations // Papers on Social Representations*. 1993. Vol. 2, no. 2. P. 75–78.
18. Симонова О.А. К формированию социологии идентичности // Социологический журнал. 2008. № 3. С. 45–61.
19. Абельс Х. Интеракция, идентичность, презентация. Введение в интерпретативную социологию / пер. с нем. под общ. ред. Н.А. Головина, В.В. Козловского. СПб., 2000. 265 с.
20. Жаде З.А. Проблема идентичности в современных социальных теориях // Философия и общество. 2007. Вып. 2 (46). С. 173–184.
21. Craib I. *Experiencing Identity*. L., 1998. 208 p.
22. Нурманбетова Д.Н. Архитектоника человеческой идентичности // Вопросы философии. 2016. № 5. С. 39–50.
23. Wagner W. *Social Representations and Beyond: Brute Facts, Symbolic Coping and Domesticated Worlds // Culture and Psychology*. 1998. Vol. 3. P. 297–329.
24. Melucci A. *Challenging Codes: Collective Action in the Information Age*. Cambridge, 1996. 456 p.
25. Hall S. Introduction: Who Needs Identity? // *Questions of Cultural Identity / ed. by S. Hall, P. Du Gay*. L., 1996. P. 1–17.
26. Немчина В.И. Фреймы воспроизводства коллективных идентичностей // Социально-гуманитарное знание. 2013. № 7. С. 78–83.
27. Giddens A. *Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age*. Stanford, 1991. 264 p.

References:

- Abels, H 2000, *Interaction, Identity, Presentation. Introduction to Interpretive Sociology*, trans. NA Golovin & VV Kozlovsky, Saint Petersburg, 265 p., (in Russian).
- Abric, JC 1993, 'Central System, Peripheral System: Their Functions and Roles in the Dynamics of Social Representations', *Papers on Social Representations*, vol. 2, no. 2, pp. 75–78.
- Bateson, GA 2006, 'Theory of Play and Fantasy', *The Game Design Reader: a Rules of Play Anthology*, Cambridge, pp. 67–73.
- Craib, I 1998, *Experiencing Identity*, London, 208 p., <http://dx.doi.org/10.4135/9781446278963>.
- Fillmore, Ch 1988, 'Frames and the Semantics of Understanding' in *Novoe v zarubezhnoi lingvistike. Vip. XXIII. Kognitivnie aspekti yazika*, Moscow, pp. 52-92, (in Russian).
- Giddens, A 1991, *Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age*, Stanford, 264 p.
- Giddens, A 2005, *The Construction of Society. Outline of the Theory of Structuration*, trans. I Tyrina, Moscow, 528 p., (in Russian).
- Goffman, E 1986, *Frame Analysis. An Essay on the Organization of Experience*, Boston, 600 p.
- Goffman, E 2003, *Frame Analysis. An Essay on the Organization of Experience*, trans. GS Batigin & LA Kozlova, Moscow, 752 p., (in Russian).
- Hall, S 1996, 'Introduction: Who Needs Identity?', in S. Hall & P. Du Gay (eds.) *Questions of Cultural Identity*, London, pp. 1–17.
- Jade, ZA 2007, 'The Problem of Identity in Modern Social Theories', *Filosofiya i obshchestvo*, no. 2 (46), pp. 173-184, (in Russian).
- Kelly, GA 2000, *A Theory of Personality: The Psychology of Personal Constructs*, trans. AA Alekseev, Saint Petersburg, 256 p., (in Russian).
- Krasavin, IT 2010, 'Social Epistemology: to the History and Problem Setting', in IT Krasavin (ed.), *Social Epistemology: Ideas, Methods, Programmes*, Moscow, pp. 3-14, (in Russian).
- Lakoff, G 2004, *Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal About the Mind*, trans. IB Shatunovsky, Moscow, 792 p., (in Russian).
- Melucci, A 1996, *Challenging Codes: Collective Action in the Information Age*, Cambridge, 456 p.
- Milekshina, LA 2016, 'Phenomenology and Notions Enrichment in Epistemology', *Voprosi filosofii*, no. 1, pp. 85-94, (in Russian).
- Minsky, M 1979, *Framework for Representing Knowledge*, trans. ON Grinbaum, Moscow, 151 p., (in Russian).
- Nemchina, VI 2013, 'Frames of Collective Identities Reproduction', *Sotsialno-gumanitarnoe znanie*, no. 7, pp. 78-83, (in Russian).
- Nurmanbetova, DN 2016, 'Architectonics of Human Identity', *Voprosi filosofii*, no. 5, pp. 39-50, (in Russian).
- Piaget, J 2003, *The Psychology of Intelligence*, trans. AM Pyatigorsky, 192 p., (in Russian).
- Polyakos, SE 2017, *Concepts and Other Structures of Consciousness*, Saint Petersburg, 621 p., (in Russian).
- Rein, M & Schon, D 1996, 'Frame-Critical Policy Analysis and Frame-Reflective Policy Practice', *Knowledge and Policy: The International Journal of Knowledge Transfer and Utilization*, vol. 9, no. 1. pp. 85–104, <https://doi.org/10.1007/bf02832235>.
- Russel, B 2000, *Human Knowledge: Its Scope and Limits*, trans. V Gorbатов, Moscow, 464 p., (in Russian).
- Schutz A 2008, 'Some Structures of the World of Life', *Voprosi sotsialnoi teorii*, vol. 2, no. 1 (2), pp. 72-87, (in Russian).
- Simonova, OA 2008, 'On the Formation of Sociology of Identity', *Sotsiologicheskii zhurnal*, no. 3, pp. 45-61, (in Russian).
- Wagner, W 1998, 'Social Representations and Beyond: Brute Facts, Symbolic Coping and Domesticated Worlds', *Culture and Psychology*, vol. 3. pp. 297–329, <https://doi.org/10.1177/1354067x9800400302>.

Редактор: Тюлюкова Мария Олеговна
Переводчик: Жбан Екатерина Сергеевна